

В. А. Макешина

ФЛОРИСТИЧЕСКИЕ ОБРАЗЫ и СИМВОЛЫ В ТВОРЧЕСТВЕ ТУРГЕНЕВА

Около пяти лет назад научными сотрудниками музея И. С. Тургенева в Орле было решено обустроить внутренний дворик. Постепенно сформировался мемориальный литературно-экологический проект, напоминающий о корнях, истоках творческой личности великого писателя, ранние годы которого прошли на этой же улице. Проект получил название «Маменькин садик» — в память об орловском детстве Тургенева и о его матери, Варваре Петровне Тургеневой, оказавшейся, по ее собственному признанию, одержимой «флероманией», то есть страстным садоводом. Проект реализуется в рамках серии, посвященной теме «Тургенев-сказочник». В созданном саду уже проходят интерактивные мероприятия для посетителей музея.

За основу «Маменькиного садика» было решено взять садовые проекты городской дворянской усадьбы начала — середины XIX века и совместить их с детскими воспоминаниями Тургенева.

Собирая перечень растений для сада, мы обратились не только к эпистолярию Тургенева и к воспоминаниям его близких, но и к его произведениям. Как известно, писатель не раз говорил, что в художественном произведении ничего случайного нет. Каждое слово, каждый образ имеют значение в художественной структуре целого.

Нам известен рано проявившийся интерес Тургенева к символическим обозначениям — одной из его первых книг было издание Н. М. Максимовича-Амбодика «Эмблемы и символы».¹ Сам писатель подробно рассказал о потрясении, испытанном им в детстве и связанном с этой книгой в письме к друзьям по Берлинскому университету М. А. Бакунину и А. П. Ефремову от 3, 8 (15, 20) сентября 1840 года:

¹ *Максимович-Амбодик Н. М. Эмблемы и символы избранные, на российский, латинский, французский, немецкий и английский языки переложенные, прежде в Амстердаме, а ныне во граде св. Петра...* [СПб.,] 1809 (ОГЛИМТ. 325/1224 оф РК 2860).

«На мою долю досталась „Книга эмблем” и т. д., тиснения 80-х годов, претолстейшая: на каждой странице были нарисованы 6 эмблем, а напротив изъяснения на четырех языках. Целый день я перелистывал мою книжищу и лег спать с целым миром смутных образов в голове».²

Некоторые обозначения символов из этой книги врезались в память писателя навсегда. Так, по воспоминаниям Г. Балашовой, Тургенев, лечась в Висбадене, каждое утро гулял с букетом душистых фиалок, который затем неизменно подносил ей. «Это мои любимые цветы, — говорил он. — Я чувствую особенное удовольствие вручать Вам их здесь каждое утро. Это нечто вне моей курсовой программы. Никому, никому не говорите об этом...».³ Последняя фраза почти дословно воспроизводит расшифровку эмблемы фиалки в книге «Эмблемы и символы» Максимовича-Амбодика.

В мемориальной библиотеке писателя сохранилось второе издание этой книги, начинавшейся толкованием символа следующим образом: «Символ есть краткая надпись, состоящая в изречениях немногих слов, совершенный смысл в себе заключающих; кои, будучи соединены с эмблемою, руководствуют к познанию другой вещи или повести, <...> таинственный смысл или подобное сему означенное, содержащей».⁴ Как нам кажется, эта несколько архаическая формула дает ключ к пониманию глубинного смысла некоторых, в нашем случае растительных, образов в произведениях Тургенева.

В книге «Эмблемы и символы», заключающей в себе объяснения более 300 изображений, как оказалось, были аккуратно удалены листы с объяснениями растительных символов, что свидетельствует об особенном интересе членов семьи Тургеневых, возможно и самого будущего писателя, к этой теме.

Варвара Петровна Тургенева разделила модное на рубеже двух веков увлечение обустройством садов, получившее широкое распространение в дворянских усадьбах. Причем расположение аллей, прудов, цветников и лужаек зачастую приобретало символический характер. Так, в Спасском-Лутовинове липовые аллеи центральной части парка образовывали римскую цифру XIX. А центральная площадка в парке, в которой сходились все аллеи, символизировала солнце. Схожим образом отбирались и растения для клумб и партеров. Они должны были не только украшать сад и обозначать достаток владельцев, но и имели разнообразное символическое значение.

Как известно, моделью при планировке и обустройстве садов в наших «дворянских гнездах» служили западные образцы, описания которых извлекались из специальных изданий. Среди многочисленных изданий подобного рода, сохранившихся в мемориальной библиотеке Тургенева, книга Лижэ «Садовник-цветовод» на французском языке,

² ПССиП(2). Письма. Т. 1. С. 168.

³ Золотницкий Н. Ф. Цветы в легендах и преданиях. М., 1992. С. 92.

⁴ Максимович-Амбодик Н. М. Эмблемы и символы. С. VII.

Эмблема «Тюльпан цветущий»
в книге Н. М. Максимовича-Амбодика
(Музей Тургенева, Орел)

С Y M B O Л Ы, S Y M B O Л A.

105. *Купидонъ показующій свою рану другому.*

Познание болѣзни есть начало исцѣленія. Morbum noscere, curationis principium. Montrer, fait guerir. Die Krankheit kennen, ist der Anfang der Genesung. By shewing his disease it is cured.

106. *Тюльпанъ цветущій.*

Кромѣ цвѣта, ничто. Безъ красокъ, былъ бы ничто. Praeter colores nihil. Ohne Farbe wäre sic nichts. Without its colours, it would be nothing.

107. *Дроздъ птица.*

Не всякому можно птицею быть. Non cuivis passerem esse licet. N' est pas moineau, qui vent. Der ist noch kein Vogel, der etner zu seyn wünscht. He is not a Bird, that would be so.

108. *Соловей.*

Возвѣщаетъ весну. Renovatum nuntiat annum, Il annonce le printemps. Sie verkündigt den Frühling. He denounces de spring.

109. *Левъ со скипетромъ.*

Кто можетъ его у меня отнять? Quis auferet? Qui me l'otera? Wer wird mir's entreissen? Who is to take from me?

110. *Марсъ Купидономъ укрощенной.*

Укротитель гнѣва. Усмиритель ярости. Domitor irae, Il domte la colère. Et dâmet den Zorn. He tames anger.

111. *Деревяная гладкая доска.*

Ко всему способна. Ad omnia. Propre à tout. Zu allem bequem. Fit for any thing.

112. *Левъ слѣдщій.*

Сердце его бдитъ и бодрствуетъ. Cor vigilat. Son coeur veille. Sein Herz wacht. His, hearth watches.

Толкование символа «Тюльпан цветущий»
в книге Н. М. Максимовича-Амбодика
(Музей Тургенева, Орел)

подаренная маме маленькими Иваном и Николаем. Отметим также, что воцарившийся в начале XIX века романтизм культивировал флористическую эстетику, распространяя ее во все сферы быта и отношений между людьми. Достаточно вспомнить, как в доме Варвары Петровны крепостной живописец по ее приказу во множестве расписывал цветами ширмы, шкатулки, жардиньерки и другие предметы.

Начав литературную деятельность в качестве поэта-романтика, Тургенев изначально вводит в свою поэтику образы цветов-символов. Достаточно вспомнить строки стихотворения «Нева», где олицетворением жаркого юга является цветок «огненного алоэса». Писатель во многом остался романтиком и в своих повестях. Так, в «Трех встречах» романтическое начало настолько сильно, что в свое время оно встретило непонимание многих критиков и даже друзей Тургенева. Упоминания цветов в этой повести как будто призваны подчеркнуть фантастический характер происходящих событий.

Самое начало сюжета вырастает из описания небольшого старого сада. В нем «круглая клумба, густо заросшая астрами», как бы резонирует с образом неба, которое «было испещрено звездами»,⁵ приравнивая, таким образом, в истинно романтических традициях земное и небесное. Уместно вспомнить здесь латинское «astra», что в переводе означает «звезда».

Своеобразным введением в последующий «сон в летнюю ночь» служит упоминание о маке: «...передо мной красный полевой мак поднимал из загложшей травы свой прямой стебелек; большая круглая капля ночной росы блестела темным блеском на дне раскрытого цветка».⁶ Представляется, что мак указан здесь не случайно, он является провозвестником дальнейших призрачных, мистически переплетенных трех встреч.

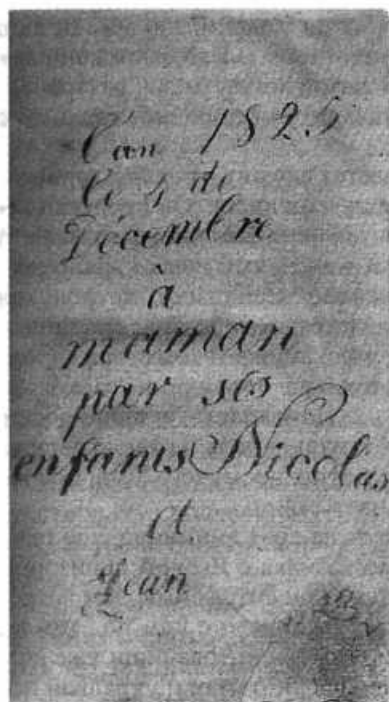
В связи с этим необходимо вспомнить, что в мифологии мак — признанный цветок грез. В Древней Греции существовала следующая легенда о его происхождении. Афродита, оплакивая своего возлюбленного Адониса, долго не могла успокоиться, и боги, чтобы доставить ей сон, превратили ее слезы в цветы мака. Также считалось, что мак является атрибутом бога сна — Гипноса и его родного брата, бога смерти — Танатоса; оба они изображались в виде юношей в венках из маков. Точно так же и богиня ночи всегда представлялась обвитой гирляндами из маковых цветов. А вот цитата из «Метаморфоз» Овидия, описывающая жилище бога сновидений — Морфея:

Возле дверей у пещеры цветут в изобилии маки;
Травы растут без числа, в молоке у которых собирает
Дрему росистая ночь и кропит потемневшие земли.⁷

⁵ ПССиП(2). Соч. Т. 4. С. 218.

⁶ Там же. С. 219.

⁷ Кн. 11, 605–607. Пер. С. Шервинского.

Книга Л. Лиге «Le jardinier fleuriste»
Авантитул с дарительной надписью И. и Н. Тургеневых В. П. Тургеневой
и титульный лист (Музей Тургенева, Орел)

Как говорили древние, «когда Морфей хочет кого-либо усыпить или навевать на него приятные грезы, то он прикасается к нему только маковым цветком».

По всей видимости, мак присутствует в начале повести Тургенева «Три встречи» как некий знак дальнейшей нереальности происходящего. Тем более что за упоминанием цветка мака следуют «странные» сны героя повести, в которых к нему приходит таинственная незнакомка и вызывает в нем нечто вроде любовного наваждения. Символично само число встреч героя с прекрасной дамой. Последняя, третья, встреча внезапно прекратила это наваждение, которое сам рассказчик определил следующим образом: «С тех пор я уже нигде не встречал моей незнакомки. <...> эта женщина появилась мне как сновидение — и как сновидение прошла она мимо и исчезла навсегда».⁸

Писатель использует растительные образы для передачи настроений, душевных состояний героя, его переживаний. Например, в повести «Первая любовь» эмоциональный кризис, чувство отчаяния Влади-

⁸ ПССУП(2). Соч. Т. 4. С. 245.

мира отражены такими строками: «То, что я узнал, было мне не под силу: это внезапное откровение раздавило меня... Всё было кончено. Все цветы мои были вырваны разом и лежали вокруг меня, разбросанные и истоптанные».⁹ Трудно подобрать более совершенное сравнение для отражения душевной боли.

В повести «Яков Пасынков» образ цветка служит для характеристики главного героя: «И душою Пасынков не изменился. Он предстал передо мною тем же романтиком, каким я знал его. Как ни охватывал его жизненный холод, горький холод опыта, — нежный цветок, рано расцветший в сердце моего друга, уцелел во всей своей нетронутой красе».¹⁰ По сути, цветок здесь представляется своеобразным воплощением самой души героя, милого сердцу рассказчика. Так же, как скромный цветок является олицетворением русской провинции, самой необъятной России: «Прошло лет семь. <...> Помаялся я-таки по России, заезжал в глушь и в даль, и слава богу! Глушь и даль не так страшны, как думают иные, и в самых потаенных местах дремучего леса, под валенником и дромом, растут душистые цветы».¹¹

В повести «Яков Пасынков» обращает на себя внимание еще один растительный образ. Первая встреча рассказчика с Яковом произошла в саду под кустом сирени. Вообще сирень становится символом встреч с главным героем: «Помню я одну ночь. Мы сидели с ним под тем же кустом сирени: мы полюбили это место. Все наши товарищи уже спали; но мы тихонько встали, ошупью оделись впотьмах и украдкой вышли „помечтать”».¹²

В нашем представлении сирень олицетворяет цветение весны, пробуждение души, красоту русского сада. Однако сейчас весьма немногие знают, что на Востоке, откуда разошлась сирень по всему миру, она служила эмблемой грустного расставания. Ассоциации с разлукой она вызывала и в Западной Европе. Если с этой точки зрения посмотреть на сцены под сиренью у Тургенева, не увидим ли мы везде такую же неизбегность разлуки героев, как и в «Якове Пасынкове»?

Образы растений служат у писателя и для обозначения характерных черт героя. Так, в повести «Ася» читаем:

«— Я здесь, — проговорила Ася, кокетливо опершись локтями на оконницу, — мне здесь хорошо. На тебе, возьми, — прибавила она, бросая Гагину ветку гераниума, — вообрази, что я дама твоего сердца. <...>

— Н. уходит, — возразил Гагин, — он хочет с тобой проститься.

— Будто? — промолвила Ася, — в таком случае дай ему мою ветку, а я сейчас вернусь».¹³

⁹ Там же. Т. 6. С. 354.

¹⁰ Там же. Т. 5. С. 63.

¹¹ Там же. С. 69.

¹² Там же. С. 62.

¹³ Там же. С. 161.

Ася бросает именно герань, не бальзамин или бегонию, также бытовавшие в то время на окнах европейских домов. Писатель, обладавший энциклопедическими знаниями во многих областях, интересовался и ботаникой. Это увлечение было в духе времени. Не следует забывать, что в годы своей берлинской юности Тургенев водил знакомство с великим немецким ученым Александром Гумбольдтом — философом, географом, ботаником и путешественником. А мать писателя, Варвара Петровна, специально изучала ботаническую латынь, о чем сообщала в письмах к сыну. Немудрено поэтому, что Тургенев в своих сочинениях не раз употребляет именно ботанические термины. В процитированном отрывке из повести «Ася» писатель использует ботаническое название растения «гераниум», в отличие от *pelargonium zonale*, которую мы в обиходе привыкли именовать геранью. Граниум же имеет неброские мелкие цветки и устойчивый запах ветвей и листьев, что также отражено в тексте повести «Ася».

Именно гераниум на языке цветов означает, кроме прочего, «безрассудство», что подчеркивает главную черту в характере героини, развивая тему любовного безрассудства и предвосхищая неизбежный разрыв.

Еще один значимый для Тургенева символ — роза. Повести, «стихотворения в прозе», сказки — всюду мы находим этот цветок. Важную роль играет присутствие розы в повести «Первая любовь». Хотелось бы остановиться на том эпизоде, где главная героиня Зинаида срывает «небольшую красную розу», а затем ею «жалует» влюбленного в нее Владимира «к себе в пажи».¹⁴ Здесь явно прочитывается ассоциация с классическим средневековым сюжетом о паже и королеве, сигналом для свидания которых служил шиповник или роза. Достаточно вспомнить «Роман о Тристане и Изольде», или сказания о Ланселоте и Гвиневере из цикла романов о Короле Артуре, или вообще поэзию трубадуров. Тема рыцарственного служения возлюбленной находит в повести Тургенева подобное воплощение.

Необходимо также упомянуть о множестве изображений розы в книге «Эмблемы и символы», в большинстве своем означающих: «Нет розового цветка без иголок. Нет радости без печали».¹⁵ И действительно, сколько печали и душевных страданий принесла Владимиру радость быть приближенным Зинаиды, ее «пажем».

Образ любви как блаженства и страдания не раз возникает у Тургенева. Такова любовь героев романа «Дым». Ей соответствует образ цветка гелиотропа. Сейчас, в связи со сложностью выращивания, его можно встретить в редких южных садах, а в XIX веке гелиотроп обрел широкую популярность из-за ярких сиренево-фиолетовых соцветий и сильного аромата. Название его происходит от греческих слов «гелиос» — солнце и «тропос» — поворот, поскольку соцветия гелиотропа

¹⁴ Там же. Т. 6. С. 342.

¹⁵ *Максимович-Амбодик Н. М.* Эмблемы и символы. С. 43.

113

114

115

116

117

118

119

120

Эмблема «Белая лилия»
в книге Н. М. Максимовича-Амбодика
(Музей Тургенева, Орел)

С У М В О Л Ы, S Y M B O L A

115. *Левъ шестоугодній въ пустынь.*

Множество съ крѣпостию соединенное. Сложенъ изъ сердца и силы. Animus cum robore mixtus. Courage mixte avec la force. Muth vercinigt mit Gairte. Courage mixed with strength.

114. *Пустей шарб.*

Толкнувъ бугучя, въ верхъ поднимается. Омъ ударовъ выспръ возашмаю. Concussus resurgit. Les secousses m'élèvent. Sidste erheben mich. His pushes list me up.

115. *Купидонъ съ зеркаломъ.*

Чисто и красно. Истиннаго любителя сердце есть савшло, какъ зеркало. Amoris veri cor, ut speculum, est pellucidum. Pur et net. Sauber und schön. Pure and neat.

116. *Бѣлая лилия.*

Бѣлыя ея не поршится златомъ. Чистота не повреждается богатствомъ. Candor non laeditur auro. Sa blancheur n'est pas souillée par l'or. Ihre Weisse wird nicht durchs Gold besetzt. Its whiteness is not spotted by gold.

117. *Купидонъ несущій въ рукъ тайное письмо, а на другое ногою возступающій.*

Я люблю повома единого. Истинная любовь зримъ на одного. Perfectus amor non est, nisi ad unum. Je n'en aime qu'un. Rechte Liebe zielt nur auf einse. Parfait love aims but at one.

118. *Сквозная зѣзда.*

Показуемъ путь. Monstrat viam. Elle montre le chemin. Sie zeigt uns den Weg. She shews the way.

119. *Левъ покоющійся.*

Хотя не свирѣпствуетъ, но есть непреодолимъ. Non furit, sed indomitus. Si n'est point furieux, il est invincible. Er würet nicht, aber er ist unüberwindlich. He is not furious, but invincible.

120. *Два пламенѣющія сердца.*

Дя два единого будумъ. Пускай изъ двухъ будетъ единица. Vt duo unum componant. A fin de n'en faire, qu'un de deux. Auf das zwey nur eins werden. That two may make but one.

В

Толкование символа «Белая лилия»
в книге Н. М. Максимовича-Амбодика
(Музей Тургенева, Орел)

Герань и гелиотроп из «Маменькиного садика»
Музей Тургенева, Орел
Фотография, 2008 г.

в течение дня поворачиваются за солнечным диском. Легенда о происхождении этого цветка гласит, что нимфа, полюбившая бога солнца Гелиоса, была настолько стеснительна, что не могла признаться ему в своей любви. Она только наблюдала за ним издалека, забывала поесть и попить и так высохла, что из жалости боги избавили ее от мучений любви, превратив в цветок гелиотропа.

Именно с гелиотропа, запах которого навеял воспоминания герою «Дыма», начинается разворачиваться сюжет романа. Букетик этих цветов дарит Литвинов своей возлюбленной Ирине перед балом, перевернувшим их отношения. И как бы в ответ, позже, Ирина напоминает о себе таким же букетом гелиотропа, и он вторично влияет на судьбу героев. Этот цветок считался символом преданности и широко применялся в оккультных науках. Есть упоминания о нем как о составной части приворотного зелья и мази, дающей возможность летать. Возможно, рефренным использованием образа гелиотропа писатель стремился подчеркнуть болезненную привязанность друг к другу Ирины и Литвинова. Почувствовать тот самый запах, по словам автора «Дыма», «сильный, очень приятный», «неотступный, неотвязный, сладкий, тяжелый», «томительный»,¹⁶ аромат миндаля и пудры, можно и сейчас. Этот

¹⁶ ПССиП(2). Соч. Т. 7. С. 277, 279.

цветок, полученный нами после долгих поисков, уже второй год выращивается в рамках литературно-экологического проекта «Маменькин садик».

Конечно, столь беглый взгляд на использование символических значений растений в произведениях Тургенева лишь слегка приоткрывает дверь в страну цветов, столь любимую нашим великим земляком. Под его пером цветы становятся живыми существами на сказочном острове в либретто оперетты «Последний колдун». Здесь цветы-эльфы живут своей жизнью, проявляют характер, поют песни, изгоняют ненавистного колдуна с волшебного острова.

Мы затронули лишь некоторые аспекты заявленной темы, которая, безусловно, требует систематического изучения с непременно привлечением круга чтения писателя, мемуарных данных, новейших исследований. Кроме всего, работа над этой темой позволит продолжить осуществление проекта тургеневского дендрария при Орловском литературном музее.

В заключение приведем завершающие строки из «*Emblemata et symbola*», книги, столь памятной Тургеневу: «С помощью данных <...> объяснений не трудно будет всякому иметь некоторое понятие о прочих иконологических изображениях и собственным рассудком достигать означенания прочих эмблем и символов. Прилежное же чтение таких книг <...> откроют любопытному сокровенные тайны других многих, сим подобных начертаний <...>».